

A $\frac{263}{443}$

А 263
443

О СОЧИНЕНИИ А. Н. ПЕТРОВА:

ВОЙНА РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

ДУНАЙСКАЯ КАМПАНИЯ

1853 и 1854 г.

Рецензия Н. К. Шильдера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

2007231847

О СОЧИНЕНИИ А. Н. ПЕТРОВА. — ВОЙНА РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ. ДУНАЙСКАЯ КАМПАНІЯ 1853 — 1854 гг. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ИЗД. 1890 г.

Генераль-маіоръ А. Н. Петровъ представилъ въ 1888 году въ Академію Наукъ на соисканіе преміи митрополита Макарія рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: *«Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853 и 1854 и.»*. По приглашенію конкурсной комисіи оно было разсмотрѣно Свиты Его Величества генераль-маіоромъ Н. К. Шильдеромъ, который въ представленной имъ въ Академію рецензій отозвался о трудѣ г. Петрова весьма одобрительно, но по недостатку премій сочиненіе не могло получить награды.

Исправленное послѣ того и подъ новымъ заглавіемъ «Война съ Турціею — Дунайская кампанія 1853 и 1854 гг.» сочиненіе это уже въ печатномъ экземплярѣ было вновь представлено авторомъ для соисканія преміи митрополита Макарія на конкурсѣ 1890¹/₁ гг., по просьбѣ Академіи было вновь разсмотрѣно тѣмъ же рецензентомъ.

Н. К. Шильдеръ, изложившій при разборѣ сочиненія А. Н. Петрова еще въ рукописи всѣ существенныя свои замѣчанія, вызывавшіяся разными частями означеннаго труда, во вторичной своей рецензій уже на напечатанное сочиненіе ограничился лишь нѣкоторыми дополнительными указаніями, ссылаясь въ главномъ на то, что имъ было сказано въ первой рецензій.

Такъ какъ отзывъ Н. К. Шильдера не могъ послѣтъ къ сроку, назначенному для представленія рецензіи, то книга А. Н. Петрова была перенесена на слѣдовавшее за тѣмъ соисканіе премій Макарія, т. е. 1892 — 1893 года, и на немъ она удостоена *почетнаго отзыва*.

Первая рецензія Шильдера, не бывшая въ свое время напечатанною, печатается нынѣ, вмѣстѣ со второю, служащею ей дополненіемъ.

Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853 и 1854 годахъ.

Сочиненіе генераль-маіора А. Н. Петрова.

Рецензія Н. К. Шильдера.

Хотя со времени Дунайской кампаніи прошло болѣе тридцати пяти лѣтъ, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не существуетъ еще удовлетворительнаго описанія пролога Крымской войны. Перечислимъ вкратцѣ, что представляла намъ объ этой кампаніи русская историческая литература, до появленія сочиненія А. Н. Петрова, не касаясь множества отдѣльныхъ монографій, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ. Списокъ этихъ сочиненій въ числительномъ отношеніи весьма скромный.

Прежде всего слѣдуетъ указать:

1) на сочиненіе Е. Ковалевскаго: *«Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 годахъ»*. С.-Петербургъ. 1868 г. — Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ блѣдный очеркъ кампаніи, основанный почти исключительно на официальныхъ донесеніяхъ, и составляетъ, въ сущности, неудавшійся панегирикъ въ честь князя М. Д. Горчакова. Сочиненіе Ковалевскаго могло имѣть какое-нибудь значеніе только въ томъ случаѣ, если бы появилось въ печати немедленно послѣ подписанія Парижскаго трактата; но въ 1868 году читатель имѣлъ полное право требовать нѣчто болѣе, чѣмъ то, что было поднесено ему авторомъ. Всего лучше и полнѣе изложены, сравнительно

конечно съ прочими отдѣлами сочиненія, дипломатическія сношенія и переговоры, предшествовавшіе войнѣ. Совершенно не удался автору очеркъ дѣйствій князя Варшавскаго подъ Силистрією и событіи, сопровождавшихъ очищеніе нашими войсками княжествъ. Вообще же во всемъ трудѣ критическая оцѣнка фактовъ блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Только немногія страницы не утратили еще своего значенія для будущаго историка.

2) Въ сочиненіи: «*Описаніе обороны Севастополя*», составленнаго подъ руководствомъ Э. И. Тотлебена, есть введеніе, въ которомъ, въ сжатомъ очеркѣ, изложены причины Восточной войны и затѣмъ помѣщенъ краткій конспектъ дѣйствій нашихъ на Дунаѣ. Нѣкоторыя подробности можно встрѣтить только относительно осады Силистріи, но за то эти замѣтки страдаютъ мѣстами большими неточностями. Такъ напр. достаточно указать при этомъ на изложеніе Сельванскаго штурма Арабъ-Табии¹⁾.

3) *Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ 1853 — 1855 и.* Н. Ушакова (часть I. Москва. 1872). По обилію весьма драгоцѣнныхъ указаній о Дунайской кампаніи и характеристикѣ ея главныхъ участниковъ, изложенныхъ въ воспоминаніяхъ близкаго очевидца всѣхъ этихъ дѣлъ, онѣ составляютъ доселѣ лучшій источникъ при изученіи этого пролога Восточной войны. Но въ «*Запискахъ*» встрѣчается также много неточностей, присутствіе которыхъ объясняется тѣмъ, что генералъ Ушаковъ писалъ свои воспоминанія въ деревнѣ, не имѣя подъ рукою всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ для провѣрки подробностей нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ имъ событій. Вѣроятно, сознавая лично этотъ недостатокъ своего труда, авторъ избралъ для «*Записокъ*» слѣдующій эпиграфъ: «Аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте, а не кляните, понеже писала рука брэнна». Поэтому многія подробности «*Записокъ очевидца*» должны быть тщательно провѣрены исто-

---

¹⁾ Вопросъ этотъ во всей подробности разобранъ въ сочиненіи: «*Графъ Э. И. Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность*» — Н. Шильдера. Часть I. С.-Петербургъ. 1885.

рикомъ, пользующимся ими какъ матеріаломъ, по подлиннымъ архивнымъ документамъ.

4) *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée* (1852 — 1856) *par un ancien diplomate*. Сочиненіе это, написанное барономъ Жоини, было напечатано въ Парижѣ въ 1874 году и затѣмъ хранилось въ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, только весьма ограниченное число экземпляровъ роздано было авторомъ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ продажу оно поступило только въ 1878 году, послѣ Берлинскаго конгресса. Сочиненіе барона Жоини не можетъ быть признаннымъ удовлетворительнымъ даже въ дипломатическомъ отношеніи. Оно крайне бѣдно выводами и безцвѣтно. Военныхъ дѣйствій, связанныхъ въ эту эпоху столь тѣсно съ политическими соображеніями, оно совершенно не касается. Сверхъ того, хотя авторъ, по своему выдающемуся служебному положенію, располагалъ при составленіи своего труда безцѣнными архивными сокровищами, но онъ подѣлился весьма скупо этими богатствами съ читателями и не украсилъ свой трудъ никакими приложеніями.

5) «*Восточная война 1853 — 1856 годовъ*» М. И. Богдановича. Тринадцать главъ этого сочиненія, посвященнаго описанію Восточной войны въ полномъ ея объемѣ, имѣютъ предметомъ Дунайскую кампанію. Въ свое время это сочиненіе разобрано было всестороннимъ образомъ Н. О. Дубровинымъ въ особомъ изслѣдованіи, обнимающемъ 506 стр.¹⁾ Замѣтимъ здѣсь только, что М. И. Богдановичъ въ своемъ трудѣ далеко не исчерпалъ богатый запасъ матеріаловъ, имѣющійся въ нашихъ архивахъ по Восточной войнѣ; политическій отдѣлъ въ особенности отличается большею неполнотою; побудительныя же причины, которыми руководствовались тогдашніе государственные дѣятели въ своихъ рѣшеніяхъ, совершенно не изслѣдованы авторомъ.

Новѣйшее изслѣдованіе о Дунайской кампаніи 1853 и 1854

---

¹⁾ Восточная война 1853 — 1856 годовъ. — Обзоръ событій по поводу сочиненія М. И. Богдановича. — Составилъ Н. Дубровинъ. С.-Петербургъ. 1878.

годовъ А. Н. Петрова¹⁾ представляетъ уже очень важный шагъ впередъ, въ сравненіи со всѣми перечисленными выше сочиненіями.

I.

Особая задача разсматриваемаго труда заключается по словамъ автора въ томъ, чтобы доказать, что Австрія въ 1853 и 1854 годахъ была ни нашимъ врагомъ, ни другомъ, не была и нейтральна. «Она была только *эгоистична*, и по отношенію къ намъ играла роль Дамоклова меча, висѣвшаго на волоскѣ надъ нашею головою, для того, чтобы никогда ни упасть на нее. Держа насъ постоянно въ такомъ напряженномъ состояніи, она, тѣмъ самымъ, безъ всякаго риска, надѣялась получить значительныя для себя выгоды, отъ насъ-ли или нашихъ противниковъ».

Мысль, высказанная здѣсь авторомъ и послужившая ему главною руководящею нитью при изложеніи событій, сопровождавшихъ войну на Дунаѣ, вполне справедлива и заключаетъ въ себѣ объясненіе истинной причины нашихъ политическихъ и военныхъ неудачъ въ 1854 году. Между тѣмъ отношенія наши къ Австріи за это время не были выяснены съ должною полнотою ни въ одномъ изъ изслѣдованій о Дунайской кампаніи, появившихся доселѣ въ печати. «*Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ*», представляетъ первую попытку къ правильному рѣшенію вопроса въ указанномъ выше смыслѣ.

Первыя три главы сочиненія А. Н. Петрова посвящены обзору политическихъ событій, вызвавшихъ занятіе русскими войсками княжествъ, причемъ неизбежно было коснуться политической системы Императора Николая. Оцѣнка этой политики мѣстами слишкомъ рѣзка и переходитъ границы исторической спра-

---

¹⁾ Припомнимъ здѣсь, что А. Н. Петровъ подарилъ уже русской исторической литературѣ три сочиненія о прежнихъ турецкихъ войнахъ: 1) Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1767 по 1774 годъ; 2) Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II (1787 — 1791); 3) Война Россіи съ Турціею 1806 — 1812 гг.

ведливости. Авторъ безусловно осуждаетъ Николаевскую политику и называетъ ее *политикою оскорбленія самолюбій*. Дѣйствительно, ошлябокъ было сдѣлано много, къ сожалѣнію очень много, но онѣ вытекали изъ политической системы, унаслѣдованной отъ Императора Александра I и установленной Благословеннымъ съ 1815 года. Подобно своему державному брату, Императоръ Николай продолжалъ смотрѣть на свою армію какъ на одну изъ дивизій «*de la grande armée de la bonne cause*»¹⁾. Но въ одномъ отношеніи Императоръ Николай не ошибся, и это слѣдуетъ отгѣнить при оцѣнкѣ его политики; онъ оставался непреклоннымъ въ рѣшеніи удерживать честолюбивые замыслы Пруссіи, не только для блага Россіи, но и цѣлой Европы! Позднѣйшія событія блистательно подтвердили на сколько взгляды Императора Николая соотвѣтствовали пониманію истинныхъ интересовъ Россіи... Поэтому нельзя подвергать одинаковой оцѣнкѣ такія различныя по внутреннему значенію своему политическія дѣянія, какими являются напр. спасеніе Даніи отъ посягательствъ Пруссіи или же спасеніе распадавшейся Австріи.

Приступая къ обзору внѣшней политики Императора Николая, авторъ упустилъ принять во вниманіе записку барона Брунова: «*Apperçu de la politique du Cabinet de Russie sous le régime actuel: Considérations générales sur les principes qui servent de base à notre politique (1838)*». Въ этой запискѣ можно найти лучшее и самое точное опредѣленіе главныхъ основаній, которыми руководствовался Государь въ своей внѣшней политикѣ въ продолженіи всего тридцатилѣтняго царствованія. Они заключаются главнымъ образомъ въ четырехъ пунктахъ, а именно:

1) La politique de l'Empereur peut se résumer en trois mots: *не тронь меня*.

2) Sa Majesté a pour principe de ne point intervenir, lors qu'Elle n'y est pas appelée, dans des affaires qui lui sont étrangères. Elle n'admet pas non plus que des Puissances tierces s'ingèrent dans ce qui concerne directement les intérêts de la Russie.

¹⁾ Военно-ученый Архивъ, № 541 (отд. 1).

3) L'Empereur respecte l'état de possession territoriale en Europe, tel qu'il a été déterminé par les traités, il exige de même que les autres Puissances ne portent aucune atteinte à cet état des choses.

4) Héritier du système politique de son auguste prédécesseur, l'Empereur tient à conserver en Europe la paix générale, fondée sur la base des transactions de Vienne et de Paris. Il a accepté tous les engagements qui résultent pour lui de ces transactions.

Итакъ поименованныя вступительныя главы недостаточно обстоятельны и не даютъ ничего новаго. Въ виду широкаго развитія политическаго отдѣла въ послѣдующихъ главахъ разсматриваемаго труда, мы въ правѣ были ожидать и здѣсь нѣсколько большихъ подробностей и новаго освященія извѣстныхъ уже событій, почерпнутыхъ изъ нашихъ архивныхъ сокровищъ.

II.

Переходимъ затѣмъ къ кампаніи 1853 года.

Авторъ пишетъ: «Еще въ началѣ разрыва съ Турціей(?), Императоръ Николай въ особой, собственноручной запискѣ отъ 3-го января 1853 года высказалъ свои мысли военному министру, относительно личнаго своего взгляда на случай войны, которую онъ подраздѣлялъ на три періода (эпохи).

Первый періодъ. Если Турція откажется удовлетворить нашимъ требованіямъ «Я намѣренъ ввести свои войска въ придунайскія княжества, для занятія ихъ, безъ объявленія войны, но высказавъ, что займу княжества въ *залогъ*, доколѣ Турція не удовлетворитъ меня».

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: 1) разрывъ съ Турціею не могъ послѣдовать въ январѣ 1853 года, такъ какъ князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь только ^{16/}₂₈ февраля.

2) Предположеніе Императора Николая относительно военныхъ дѣйствій на случай разрыва съ Турціею относится къ маю

мѣсяцу 1853 года, т. е. ко времени, непосредственно предшествовавшему занятію нами придунайскихъ княжествъ. Въ этомъ легко убѣдиться, обращаясь къ подлинному тексту этой записки¹⁾, напечатанной нами въ полномъ объемѣ въ Русской Старинѣ 1876 года (т. XVI). Между тѣмъ авторъ приводитъ предположеніе Императора Николая относительно военныхъ дѣйствій на случай разрыва съ Турціею въ 1853 году только въ извлеченіи, и поэтому пропущены слова, поясняющія время составленія записки, а именно послѣ словъ: «займу княжества въ *залоги*, доколѣ Турція не удовлетворитъ меня» слѣдуетъ прибавить заключительныя слова: «въ отвергнутыхъ ею моихъ требованіяхъ». Послѣднія слова не встрѣчаются въ текстѣ разбираемаго сочиненія, между тѣмъ какъ они именно и доказываютъ, что время составленія записки не можетъ быть отнесено къ январю 1853 года, такъ какъ Турціи еще не было предъявлено рѣшительныхъ требованій со стороны Россіи и князь Меншиковъ не успѣлъ прибыть въ Константинополь.

Затѣмъ авторъ говоритъ, что въ февралѣ 1853 года, когда посольство князя Меншикова въ Константинополь не обѣщало привести къ благопріятному исходу переговоровъ съ Оттоманскою Портою, Императоръ Николай составилъ *новый планъ* предполагаемыхъ противъ Турціи дѣйствій, если бы она продолжала противиться удовлетворенію нашихъ требованій.

Въ дѣйствительности это былъ не *новый планъ*, а *первый планъ*, по которому имѣлось въ виду, на случай предстоящаго разрыва, произвести морскую экспедицію противъ Босфора, быстро двинуться къ Константинополю и окончить такимъ образомъ войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ до прибытія къ мѣсту дѣйствій предполагаемыхъ союзниковъ Турціи.

Но по мнѣнію князя Меншикова это морское предпріятіе на Царьградъ представлялось или весьма *трудно выполнимымъ*, или

---

¹⁾ Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства. Дѣло № 58. Эта записка была сообщена князю Горчакову 28-го мая 1853 года.

даже невозможнымъ дѣломъ; поэтому пришлось соображать иной способъ дѣйствій, которому желательно было однако сохранить характеръ, первоначально предполагавшійся, т. е. *неожиданность*. Тогда Императоръ Николай обратился къ другому предположенію — произвести высадку въ Бургасскомъ заливѣ, овладѣть съ моря Варной и одновременно отправить сухопутно черезъ княжества четыре дивизіи 4-го и 5-го корпусовъ. Въ этомъ смыслѣ Государь начерталъ *вторую записку* относительно морской экспедиціи противъ Варны и Бургаса. Въ разсматриваемый трудъ эта записка не включена. Авторъ прямо переходитъ къ обзору предположеній князя Варшавскаго относительно турецкихъ дѣлъ.

Между тѣмъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Князь Варшавскій находился въ это время въ Петербургѣ и Императоръ Николай, конечно, пожелалъ знать мнѣніе своего любимаго полководца относительно образа дѣйствій, котораго слѣдовало держаться при открытіи войны на Востокѣ. Предположенный противъ Турціи планъ кампаніи (высадка въ Бургасѣ) не былъ вообще одобренъ фельдмаршаломъ; притомъ, назначенныя для этой экспедиціи войска онъ находилъ недостаточными для наступательнаго движенія къ Константинополю, по занятіи Бургаса, Варны и Адрианополя. Смѣлый планъ кампаніи Государя князь Варшавскій предложилъ замѣнить полумѣрой, приведенной, къ сожалѣнію, въ исполненіе въ іюнѣ 1853 года и послужившей роковой исходной точкой Восточной войны, а именно: «за неисполненіе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ трактатовъ, прежде всего занять княжества и объявить, что они до тѣхъ поръ не будутъ очищены, пока Турція не выполнитъ своихъ обязательствъ». Записка князя Варшавскаго представлена была имъ Государю Императору 24-го марта¹⁾.

---

¹⁾ Записка отъ 24-го марта была представлена при слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ: «Вчера вечеромъ и ночью написалъ я мысли мои о турецкихъ дѣлахъ. — Я нездоровъ и не могу имѣть счастья представить ихъ лично В. И. В.».

Мнѣніе князя Варшавскаго восторжествовало, русскія войска перешли Прутъ 21 іюня и заняли придунайскія княжества какъ *залоги*. Выраженіе это, встрѣчающееся въ запискѣ фельд-маршала, вошло даже въ Высочайшій манифестъ 14 іюня 1853 г., возвѣстившій Россіи вступленіе арміи въ предѣлы Турціи.

Такимъ образомъ на князя Варшавскаго всецѣло падаетъ отвѣтственность за роковой шагъ, предпринятый Императоромъ Николаемъ въ іюнѣ 1853 года; это весьма важное обстоятельство совершенно не отгѣнено авторомъ.

Что же касается до предположенія Императора Николая предпринять морскую экспедицію противъ Босфора и Царьграда, то слѣдуетъ замѣтить, что этотъ проектъ находится въ очевидной связи съ запискою, составленной въ 1849 году свиты Его Величества контръ-адмираломъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и представленной Государю по возвращеніи Его Высочества изъ путешествія на Востокъ¹⁾.

Одного бѣглого взгляда на этотъ документъ, помѣщенный нами въ приложеніи къ настоящему разбору, достаточно, чтобы убѣдиться въ полной его основательности въ виду тогдашняго, конечно, положенія Черноморскаго флота и свойствъ турецкихъ укрѣпленій по берегамъ Босфора въ 1849 году. Несомнѣнно, что военная обстановка той и другой стороны была внимательно изучена молодымъ августѣйшимъ контръ-адмираломъ, въ послѣдствіи генералъ-адмираломъ, трудолюбие и пытливость ума котораго весьма рано обращали на себя вниманіе многихъ просвѣщенныхъ его современниковъ. Поэтому позволительно высказать предположеніе, что записка Императора Николая 1853 года была вызвана болѣе раннимъ, обстоятельнымъ трудомъ Великаго Князя Константина Николаевича.

---

¹⁾ «Предположеніе атаки Царя-Града съ моря».—Военно-ученый Архивъ, № 108.

III.

Описаніе событій 1854 года составляетъ наиболѣе разработанную и поучительную часть разбираемаго сочиненія. Разсказъ о дипломатическихъ переговорахъ съ Австрією въ особенности украшенъ многими данными, впервые появляющимися въ печати и заимствованными изъ архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Что же касается до изложенія военныхъ дѣйствій 1854 года на Дунаѣ, то у автора не встрѣчается больше подробностей чѣмъ напр. у М. Н. Богдановича. — Остановимся только нѣсколько на осадѣ Силистріи.

Обстоятельства, при которыхъ мы приступили къ осадѣ этой крѣпости, настолько своеобразны и любопытны, что автору слѣдовало бы болѣе развить эту часть своего труда.

Авторъ говоритъ: «Князь Паскевичъ подступилъ къ Силистріи только вслѣдствіе рѣшительнаго приказанія Императора Николая. Онъ ссылаясь на неблагонадежность Австріи и ея опасное положеніе на флангѣ и въ тылу перешедшей Дунай арміи, и потому совѣтывалъ не переходить Дуная, а напротивъ очистить княжества и избрать позицію на Серетѣ или даже на Прутѣ..... 29-го апрѣля отряду генерала Андерса, находившемуся въ Черноводахъ, приказано было двинуться къ Силистріи».

Съ своей стороны прибавимъ слѣдующее: Не смотря на видимое наступательное движеніе, занятое Дунайскою арміей, фельдмаршалъ не отказывался отъ своей мечты отвести наши войска за Прутъ. Въ сношеніяхъ главной квартиры съ генералъ-адъютантомъ Лидерсомъ, съ 20 апрѣля, уже начинается проглядывать желаніе остановить его наступательное движеніе¹⁾. «Еще не рѣшено, пишетъ ему князь Горчаковъ, когда вы двинитесь

---

1) 20-го апрѣля генералъ-адъютантъ Лидерсъ донесъ, что онъ съ главными силами расположился на позиціи въ трехъ верстахъ отъ Черноводъ. Авангардъ расположился въ Рассеватѣ и разъѣзды доходили до Кузгуна и Кюстенджи.

къ Силистріи; хотя не вѣроятно, но есть возможность, чтобы до того времени непріятель вышелъ на васъ съ весьма превосходными силами, одними турецкими или въ совокупности съ европейскими, если бы таковыя высадились; въ такомъ случаѣ Его Свѣтлости угодно, чтобы вы, не вдаваясь въ невыгодный бой, заблаговременно отошли къ Гирсову».

22-го апрѣля князь Варшавскій отправилъ новое всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ умолялъ Государя отказаться отъ осады Силистріи и очистить княжества, «предоставляя западнымъ державамъ охраненіе обѣщанныхъ имъ отъ Турціи правъ для подвластныхъ ей христіанъ». Хотя князь Варшавскій утверждалъ въ этомъ письмѣ, что онъ не останавливаетъ движеніе войскъ къ Силистріи, и, дѣйствительно, 24-го апрѣля наконецъ предписываетъ генераль-адъютанту Лидерсу выступить 27 числа изъ Черноводъ, но уже 25-го апрѣля это приказаніе отмѣняется и предписывается ему *не подвигаться къ Силистріи впредь до новаго повелѣнія*».

28-го апрѣля прибылъ въ Каларашъ князь Варшавскій, съ твердымъ намѣреніемъ не открывать осады Силистріи. Но не успѣло еще дойти до Петербурга всеподданнѣйшее письмо фельд-маршала отъ 22-го апрѣля, какъ свѣтлѣйшій получилъ 29-го апрѣля въ Каларашѣ грозный отвѣтъ (отъ 17-го апрѣля) на донесеніе, посланное еще ранѣе, 11-го апрѣля¹⁾. — «Ради Бога не упускай драгоцѣннаго времени», говорилъ Государь въ заключеніи своего письма²⁾.

Получивъ это письмо, князь Варшавскій понялъ, что долженъ быть положенъ предѣлъ открытымъ противорѣчіямъ, тѣмъ болѣе, что приходилось ожидать еще болѣе строгаго внушенія, по полученіи въ Петербургѣ письма отъ 22-го апрѣля. Сдѣланы были

1) Князь Варшавскій писалъ въ этомъ донесеніи, отправленномъ Государю изъ Измаила (11 апрѣля): «можетъ быть лучше избѣжать принужденія оставить княжества, добровольно ихъ очистить для того, чтобы быть сильнѣе въ нашихъ предѣлахъ».

2) Выдержки изъ этого письма приведены авторомъ въ главѣ, заключающей въ себѣ *«критическій общій обзоръ кампаніи 1853 и 1854 годовъ на Дунай»*.

тотчасъ всѣ распоряженія, дабы приступить сколь можно поспѣшнѣе къ осадѣ крѣпости Силистріи.

При такомъ положеніи дѣла къ генераль-адъютанту Лидерсу посыпались съ 29-го мая приказанія, побуждавшія его къ самому поспѣшному движенію къ Силистріи, чтобы прибыть къ этой крѣпости не позже 4-го мая. Генераль Лидерсъ отвѣчалъ, что, получивъ приказаніе о наступленіи 29-го мая въ полночь, движеніе разсчитано на пять дней и начнется съ 11-ти часовъ 30-го апрѣля.

Вотъ при какихъ условіяхъ началась осада Силистріи. По этому прологу можно было предвидѣть, къ какой трагической развязкѣ приведетъ вынужденный переходъ князя Варшавскаго къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Исполняя приказаніе Государя открыть осаду, фельдмаршалъ имѣлъ еще въ запасѣ другое средство, чтобы вновь затормозить предпріятіе, которому онъ такъ мало сочувствовалъ, и доказать его невозможность и бесполезность: онъ отказался отъ блокады крѣпости и приказалъ заложить въ ночь съ 5-го на 6-го мая первую параллель противъ Арабъ-Табіи, съ разстоянія болѣе 1000 саж.!!—И такъ участь похода на Дунаѣ была рѣшена въ роковомъ для Россіи смыслѣ. *Всѣ силы сосредоточенной на Дунаѣ стотысячной русской арміи направлены были къ правильной осадѣ двухъ полевыхъ укрѣпленій крѣпости Силистріи* ¹⁾, которыя къ тому же главнокомандующій не имѣлъ вовсе намѣренія взять, считая всякій одержанный здѣсь успѣхъ бесполезнымъ.

Между тѣмъ внушеніе «отцу командиру» за письмо отъ 22 апрѣля дѣйствительно послѣдовало и по содержанію своему оно было еще болѣе грознымъ, чѣмъ неудовольствіе, высказанное въ выше упомянутомъ письмѣ Государя отъ 17 апрѣля. Этотъ драгоцѣнный для характеристики Императора Николая документъ, доказывающій вѣрность взгляда Государя на положеніе дѣлъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ — не встрѣчается на страницахъ сочиненія: «Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ».

---

¹⁾ Арабъ-Табія и Песчаный лонетъ.

Вотъ что Императоръ Николай писалъ князю Варшавскому
 29 апрѣля
 11 мая 1854 года:

«Сегодня утромъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ командиръ, отъ ^{22/9} числа. Со всею откровенностью долженъ тебѣ сознаться, что твои мысли *вовсе*¹⁾ не сходны съ моими убѣжденіями, ни съ моею *непремѣнной волей*. Предложенія твои для меня *постыдны*, и потому я ихъ *отнюдь не принимаю*, ибо ни я на себя принять этого стыда не намѣренъ, да и считалъ бы себя преступнымъ предъ достоинствомъ Россіи, если бы я и согласился на подобное.—Ты боленъ, какъ мнѣ пишешь, и вѣроятно въ пароксизмъ лихорадки мнѣ написалъ то, что твоя твердая душа и зоркій умъ не повѣрятъ—когда ты здоровъ. Свѣдѣнія мои про дѣла Австріи и Пруссіи всѣ тебѣ сообщилъ;—другихъ не получалъ и онѣ вовсе не согласны съ тѣми мечтами, которыя ты извлекъ изъ письма Мейендорфа.—Вся тактика Австріи состоитъ въ томъ, чтобы насъ держать въ недоумѣніи и тѣмъ стращать.—Къ несчастію кажется, что это имъ удалось. Очистка Малой Валахіи была намъ нужна и полезна, но они это выставляютъ какъ плодъ ихъ устращиванія. Пора и намъ въ свою очередь показать имъ, что мы угрозъ ихъ не боимся, а если бы и въ тылъ осмѣлились идти на насъ, тогда ты *обязанъ* не бѣжать отъ нихъ, какъ изъясняешься, а *ихъ разбить*, на что у тебя силъ достаточно, и притомъ русскихъ свѣжихъ силъ. Мнимое тобой появленіе прусаковъ въ Галиціи тоже *одна бредня*. Ты теперь подъ Силистріей;—удобнѣе осадить,—осаждай по всѣмъ правиламъ, и собравъ что можешь, т. е. 4 дивизіи при 3-хъ кавалерійскихъ, выжидай высунется ли Омеръ-Паша съ гостями;—да,—разбей; нѣтъ—довершай осаду. Двухъ дивизій 4-го корпуса съ двумя кавалеріи, очень довольно для прикрытія Букареста.—Когда сладишь съ Силистрією, прищмайся за Русцукъ.—Никакой высадки въ Бессарабіи или на устьяхъ Дуная не опасайся;—теперь видимъ съ какимъ трудомъ союзники перевозятъ свои войска въ

¹⁾ Слово «вовсе» три раза подчеркнуто Государемъ.

Галлиполи. Что же они сдѣлають безъ кавалеріи, артиллеріи и обозовъ, ежели бы и рѣшились на тѣ высадки;—да ихъ право и пригласить бы надо было. Австрія насъ не атакуеть доколѣ не поидемъ за *Балжаны*, куда мы и не думаемъ, и потому эти опасенія неумѣстны и противны истинѣ.

Надѣюсь, что этимъ *конецъ противорѣчій*;—будущее въ рукахъ Божіихъ, и я сему покоряюсь;—но требую *отъ тебя*, чтобы ты исполнилъ волю твоего *друга и Государя*. Ежели силы твои, нравственныя и тѣлесныя, дѣлають тебѣ обузу эту сверхъ силъ—тогда скажи мнѣ откровенно. *Командуя всѣмъ*, твое мѣсто можетъ быть тамъ, гдѣ за лучшее сочтешь; ты не прикованъ къ Дунаю;—опасность вездѣ теперь и присутствіе твое и вездѣ будетъ полезно.—Аминь—Богъ съ тобой—Обнимаю.—На вѣки твой искренно доброжелательный».

«Николай»¹⁾.

Но князь Варшавскій былъ неисправимъ. Осаду Силистріи онъ приказалъ вести такъ, чтобы турки *почитали себя только въ осадномъ положеніи*. Всѣ распоряженія клонились къ тому, чтобы поддержать въ непріятелѣ бодрость и смѣлость. Отъ блокады продолжали упорно отказываться; Силистрія сохраняла свободное сообщеніе съ Шумлюю и другими пунктами оттоманской территоріи; подкрѣпленія и обозы съ припасами всякаго рода продолжали свободно входить въ крѣпость, на глазахъ бездѣйствующей русской арміи. Нерѣдко осада походила на комедію, которая разыгрывалась Богъ знаетъ съ какою цѣлью. Фельдмаршалъ, находя иной разъ, что тотъ или другой флангъ атаки слишкомъ выдвинуть впередъ, отдавалъ приказаніе прекращать мѣстами работу на болѣе или менѣе продолжительное время; затруднялся нарядъ того количества рабочихъ, которое вызывалось ходомъ дѣла. По распоряженіямъ же князя Варшавскаго осадныя орудія то ставили на батареяхъ для дѣйствія противъ атакованныхъ укрѣпленій, то отвозили для вооруженія укрѣплен-

---

1) Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства.

наго лагеря, устраиваемаго въ ожиданіи предстоявшаго появленія союзныхъ войскъ. Черезъ нѣсколько дней эти орудія опять возвращали на прежнія мѣста, какъ будто бы опасность уже миновала; между тѣмъ полевые орудія, которыми они замѣнялись въ батареяхъ атаки, конечно не могли упрочить за нами перевѣса въ артиллерійской борьбѣ. Солдаты наши недоумѣвали, въ виду своеобразнаго образа дѣйствій, принятаго главнокомандующимъ, и не могли себѣ объяснить причину ежедневно повторявшихся послабленій, дѣлаемыхъ добровольно непріятелю. Но вскорѣ здравый смыслъ русскаго простолюдина разрѣшилъ загадку, затруднявшую подчасъ болѣе свѣдующихъ людей. Однажды подполковникъ Тотлебенъ подслушалъ разговоръ двухъ солдатъ въ траншеяхъ. «За что мы здѣсь деремся?» спрашиваетъ одинъ служивый другаго. «Какой ты дуракъ, послѣдовалъ отвѣтъ, — паша хочетъ сдать Силистрію, а фельдмаршалъ не хочетъ ее взять». Можно сказать, что въ этихъ словахъ скрывается цѣлое откровеніе относительно истиннаго смысла нашихъ странныхъ похожденій на Дунаѣ въ 1854 году.

6 іюня фельдмаршалъ послалъ князю Горчакову приказаніе снять осаду Силистріи и отступить на лѣвый берегъ Дуная.

Достоинно вниманія, что въ это самое время Омеръ-Паша отчаявался уже удержать за правобѣрными Силистрію и опасался, что союзники не подоспѣютъ для спасенія ея. Желая предпринять диверсію къ этому пункту, онъ просилъ союзниковъ оказать ему нравственную поддержку посылкою одной дивизіи въ Базарджикъ¹⁾.

Въ заключеніе остается указать еще на одну неточность, встрѣчающуюся у автора въ Описаніи осады Силистріи.

А. Н. Петровъ пишетъ:

«Предписывая князю Горчакову снять осаду Силистріи, князь Паскевичъ говоритъ: «Желаніе наше, любезный князь, исполнилось: Государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная».

¹⁾ Bazancourt. L'expédition de Crimée.

Здѣсь авторъ впалъ въ ту же ошибку, какъ и М. И. Богдановичъ, руководствуясь записками Ушакова, который на память воспроизвелъ письмо князя Варшавскаго.

Между тѣмъ подлинное собственноручное письмо фельдмаршала можно найти въ Военно-ученомъ архивѣ въ дѣлѣ № 3358¹⁾, но оно къ сожалѣнію не встрѣчается въ спискѣ источниковъ, служившихъ къ составленію труда А. Н. Петрова.

Письмо князя Варшавскаго отъ $\frac{6}{18}$ іюня, написанное въ часъ по полуночи въ Яссахъ, имѣетъ слѣдующее содержаніе:

«Любезнѣйшій и почтенный Князь Михайло Дмитриевичъ. — Наши желанія исполняются. — Дай Богъ, чтобы въ это время не застала васъ атака отъ турковъ и французовъ и протчихъ. — Кажется, что дѣла поправляются. Я здѣсь занимаюсь корпусомъ Шабельскаго. Я угадалъ, что Австрійцы могутъ спустить корпусъ на Окно и уже началъ посылать узнавать объ этомъ, и вчера съ получилъ извѣстіе, что они послали саперовъ, дабы разработывать дороги, что я сдѣлалъ по этому распоряженію, вы получите завтра извѣстія. — Еще разъ, дай Богъ, чтобы успѣли хорошо отойти. — Если вы что перемените, то я разрѣшаю. Васъ всегда истинно уважающій и преданный князь Варшавскій».

IV.

Всѣ событія въ княжествахъ, послѣ снятія осады Силистріи до перехода Дунайской арміи на лѣвый берегъ Прута, изложены въ трудѣ А. Н. Петрова весьма обстоятельно; авторъ въ особенности останавливается на мѣрахъ, принятыхъ княземъ Горчаковымъ при очищеніи княжествъ въ виду предполагаемаго разрыва съ Австріею. — Въ сравненіи съ исторіею Восточной войны Богдановича, у котораго именно наши дѣйствія отъ іюня до сен-

---

¹⁾ «Мнѣнія, распоряженія и предписанія ген.-фельд. князя Паскевича относительно распоряженія и движенія войскъ, общаго положенія политическихъ и военныхъ дѣлъ. — Также «отвѣты и донесенія ему князя Горчакова».

тября 1854 года изложены чрезвычайно сжато и неполно, трудъ А. Н. Петрова даетъ читателю весьма отчетливое понятіе о дѣлахъ, завершившихъ собою Дунайскую кампанію.

Авторъ заключаетъ свою исторію двумя обширными изслѣдованіями, составляющими самую существенную и лучшую часть его труда; заглавіе ихъ слѣдующее:

1) Намѣревалась ли Австрія объявить намъ войну въ 1854 году?

2) Критическій общій обзоръ кампаніи 1853 и 1854 годовъ на Дунаѣ.

Эти двѣ заключительныя главы сочиненія А. Н. Петрова, по своему высокому интересу, заслуживаютъ полнаго вниманія читателей и за нихъ мы должны быть особенно признательны автору, какъ за драгоцѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу. Ничего подобнаго мы не находимъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, относящихся до кампаніи 1853 и 1854 годовъ, а между тѣмъ только путемъ, намѣченнымъ здѣсь авторомъ, можно придти къ правильнымъ выводамъ относительно нашихъ дѣйствій на Дунаѣ.

Авторъ приходитъ къ выводу, что Австрія никогда не думала объявлять намъ войны и никогда не объявила бы ее въ 1854 году, ограничиваясь однѣми демонстраціями, имѣвшими единственную цѣлью побудить насъ на уступки и тѣмъ способствовать скорѣйшему замиренію въ Европѣ.

Въ сущности она избѣгала войны какъ съ западными державами, такъ и съ нами, и приняла бы ее только тогда, когда мы сами ей объявили войну.

Ни въ одномъ изъ донесеній князя А. М. Горчакова и барона Мейендорфа за 1854 годъ *нѣтъ ни одного слова*, указывающаго на то, что Императоръ Францъ Іосифъ и даже самъ графъ Буоль съ Бахомъ грозили намъ когда нибудь войною. Напротивъ того, князь Горчаковъ намѣревался не разъ *пугать* Австрію войною, что всегда вызывало въ Вѣнѣ сильную тревогу и приводило къ принятію соотвѣтственныхъ военныхъ мѣръ. Мы принимали эти

мѣры за угрозы и, въ свою очередь, демонстрировали, что еще болѣе заставляло Австрію вооружаться.

Слѣдствіемъ этого печальнаго обоюднаго недоразумѣнія было то, что самая кампанія 1854 года велась и закончилась совершенно обратно тому, что слѣдовало сдѣлать, а это, въ свою очередь, опредѣлило тяжелый для насъ характеръ борьбы съ Западомъ и исходъ всей кампаніи до 1856 года. Многое при этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, конечно зависѣло и отъ личныхъ качествъ князя А. М. Горчакова.

Словомъ, заключаетъ авторъ свое изслѣдованіе, ничто не доказываетъ намѣренія Австріи дѣйствовать противъ насъ въ 1854 году вооруженною силою; напротивъ того, факты говорятъ противное.

Къ этимъ выводамъ привело автора изученіе, главнымъ образомъ, до сихъ поръ не изданной и не разработанной дипломатической переписки представителей нашего двора въ Вѣнѣ, хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Главнѣйшіе изъ этихъ документовъ принадлежатъ перу нашего бывшаго государственнаго канцлера А. М. Горчакова.

Къ сказанному авторомъ прибавимъ еще, что до самой кончины Императоръ Николай твердо вѣрилъ въ близость войны съ Австріею. 2 февраля 1855 года Императоръ Николай писалъ князю Варшавскому: «Ежели дѣла склонятся къ разрыву, я намѣренъ отправиться самъ къ арміи, вѣроятно въ Брестъ; думаю, что присутствіе мое можетъ тамъ быть не бесполезно». 10-го же февраля Государь, уже больной, писалъ князю Меншикову: «Посылать войскъ уже совершенно неоткуда. У Горчакова едва достаточно только на первую встрѣчу съ Австрійцами, ежели туда ринутся; отвѣчать, чтобъ они это не предприняли, никакъ нельзя, и я скорѣе этого ожидаю, чѣмъ что либо другое».

Обратимся теперь къ заключительной главѣ: критическому обзору кампаніи 1853 и 1854 годовъ на Дунаѣ.

А. Н. Петровъ въ дѣйствіяхъ нашихъ на Дунаѣ усматриваетъ пять капитальныхъ ошибокъ, а именно:

1) Намъ не слѣдовало вовсе вступать въ княжества, а напротивъ того, кончить дѣло подъ Цареградомъ въ маѣ 1853 года.

2) Силы наши, назначавшіяся для войны съ Турціею, опредѣлены въ недостаточномъ числѣ.

3) Малой Валахіи не слѣдовало занимать, какъ слишкомъ удаленную отъ нашей операціонной базы.

4) Полное бездѣйствіе, въ которомъ мы провели въ княжествахъ 1853 годъ, чѣмъ мы даровали Турціи время собрать и организовать армію, а западнымъ свои флоты къ поднятію десанта.

5) Потерявъ въ 1853 году напрасно время, мы въ слѣдующемъ году рѣшились наконецъ перейти Дунай и взять Силистрію, доводимъ дѣло почти до конца и 11-го іюня, такъ сказать наканунѣ паденія крѣпости, снимаемъ осаду, опасаясь Австріи, и въ угоду ей очищаемъ княжества безъ всякой необходимости.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ очерку роковаго вліянія, которое князь Варшавскій имѣлъ на рѣшенія Императора Николая со времени начала восточныхъ усложненій, причемъ не упущены и непосредственныя распоряженія фельдмаршала на Дунаѣ, которыя открыли союзникамъ доступъ въ Крымъ.

Въ заключеніе авторъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса, что же оставалось намъ предпринять въ 1854 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ виду сосредоточенія союзныхъ войскъ въ Варнѣ и принимая въ соображеніе отношенія къ намъ Австріи, установившіяся предшествовавшими событіями и недоразумѣніями? — Судя по плану, изложенному здѣсь авторомъ, мы могли бы прибыть, безъ особенныхъ затрудненій, съ 100.000 арміею къ Цареграду около 10 сентября, если бы отбросили своевременно напрасныя опасенія, питаемыя къ намѣреніямъ Австріи.

Предложенный планъ дѣйствій подлежитъ критикѣ специалистовъ военнаго дѣла и мнѣнія могутъ конечно расходиться относительно возможности осуществить предложенный здѣсь блистательный планъ. — Но одно только достовѣрно и не можетъ вызвать разногласія: намъ отнюдь не слѣдовало дѣлать то, что было

въ дѣйствительности исполнено. — Всякій другой планъ дѣйствій привелъ бы несомнѣнно къ лучшимъ результатамъ и къ отстраненію Севастопольскаго погрома.

Эта истина вполне выясняется представленнымъ авторомъ критическимъ разборомъ дѣйствій князя Горчакова съ 11-го іюня 1854 года, т. е. со времени снятія осады Силистріи.

Изъ этого обзора оказывается, что мы потеряли въ бесполезной стоянкѣ въ княжествахъ 42 лишнихъ дня до обратнаго перехода за рѣку Прутъ 4 сентября, между тѣмъ какъ это движеніе могло быть окончено гораздо ранѣе: въ двадцатыхъ числахъ іюля. — Въ это время уже выяснилось, что союзники избрали предметомъ дѣйствій Крымъ. Для обороны полуострова нуждались въ подкрѣпленіяхъ, но тѣмъ не менѣе вся поддержка князя Меншикова ограничилась 16-ю пѣхотною дивизіею! Поэтому въ день Альминскаго боя 35.000 русскихъ сражались съ 62.000 союзною арміею!! Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, мы безъ особеннаго затрудненія могли сосредоточить въ Крыму, къ этому времени, 130.000 человекъ (т. е. пять пѣхотныхъ дивизій), которые очевидно рѣшили бы дѣло въ нашу пользу.

Однако справедливость требуетъ замѣтить, что въ неотправкѣ этихъ пяти дивизій нельзя сдѣлать отвѣтственнымъ князя Горчакова. Онъ не имѣлъ на то власти. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается также и авторъ.

Съ своей стороны прибавимъ, что князь Варшавскій, какъ и слѣдовало ожидать, остался крайне недоволенъ, замѣтивъ, что князь Горчаковъ пересталъ, повидимому, жить его умомъ, и строго порицалъ движеніе 16-й пѣхотной дивизіи къ Перекопу. Сдержанная досада и гнѣвъ его выразились въ письмѣ къ Государю отъ 17 іюля: «Полагая, писалъ фельдмаршалъ, что князю Горчакову не должны бы отсылать 16-ю дивизію изъ Молдавіи, а слѣдовало бы, согласно принятому плану, отходить самому за Сереть, я однако съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ Гомелѣ, не смѣю давать предписаній, ни совѣтовъ, и потому нахожусь въ

неопредѣлительномъ положеніи». Императоръ Николай не оставилъ замѣчаніе отца командира безъ вниманія и возражалъ ему 21-го іюля (1 августа) по поводу его невѣрной оцѣнки обстоятельствъ: «Посылка 16-й дивизіи, какъ бы она еще не полезна была въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе отстоять Крымъ, но и Севастополь, котораго защита, по степени сухопутной обороны, невозможна почти безъ значительной силы, тогда какъ извѣстно съ какими способами собираются союзники атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще въ время и быть можетъ рѣшитъ дѣло въ нашу пользу и уничтожить всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. . . . Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополя и флота, теперъ для насъ первѣйшая важность; если будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ, на долго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ. Отвратить его елико можно — предметъ напважнѣйшій».

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что А. Н. Петровъ, при изложеніи событій на Дунаѣ въ 1853 и 1854 годахъ, не останавливается на описаніи однихъ военныхъ дѣйствій этой кампаніи, но отводитъ также широкое мѣсто политической сторонѣ дѣла, которая и заключаетъ въ себѣ ключъ къ разясненію причинъ, по которымъ мы добровольно поставили себя въ безвыходное положеніе. Въ виду обилія новыхъ данныхъ, сообщенныхъ авторомъ, и самостоятельности его изслѣдованій, основанныхъ на архивныхъ документахъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на сочиненіе А. Н. Петрова и просить удостоить его одной изъ премій митрополита Макарія, которую оно вполнѣ заслуживаетъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Предположеніе атаки Царя-града съ моря¹⁾.

Въ случаѣ войны съ оттоманскою портою, есть средство окончить кампанію въ кратчайшее время, съ меньшимъ кровопролитіемъ, это есть атака Константинополя съ моря. Это предпріятіе опасное, трудное, но которое при нашихъ средствахъ не должно и не можетъ не удасться. Можно при этомъ потерять корабля три, четыре, много крови прольется въ короткое время, но все таки не столько, какъ въ сухопутной двухъ-лѣтней или даже годовой кампаніи, въ которой войско болѣе страдаетъ отъ трудностей пути, лихорадокъ и чумы, чѣмъ отъ самаго непріятели. Постараюсь нынѣ именно это доказать.

Босфоръ или Константинопольскій проливъ есть узкій протокъ, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ, идущій почти въ прямомъ направленіи съ Сѣвера на Югъ, и имѣющій около 27 верстъ длины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ не шире 350 сажень, такъ что похожъ болѣе на рѣку чѣмъ на проливъ, и притомъ на рѣку весьма быструю, потому что черноморскія воды, безпрестанно дополняемая нашими огромными рѣками, текутъ сквозь Босфоръ со скоростью отъ 4-хъ до 5-ти верстъ въ часъ. Вотъ уже первое обстоятельство въ пользу нашего предпріятія. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ, на трети всей длины отъ Сѣвера, противъ мѣстечка *Буюкз-дере*, Босфоръ достигаетъ трехъ верстъ.

На южной оконечности пролива, на Европейскомъ берегу лежитъ *Царградъ*, выдающійся треугольнымъ мысомъ въ море, цѣль нашего предпріятія.

Доступъ къ нему загражденъ многими крѣпостями и батареями по обоимъ берегамъ Босфора, сквозь которыя надо проходить, чтобы достигъ Константинополя.

Но онѣ страшнѣе на взглядъ и на картѣ чѣмъ на самомъ дѣлѣ, что мы именно постараемся доказать.

---

¹⁾ Военно-ученый Архивъ № 108.

Эти укрѣпленія распространяются отъ Черноморскаго входа до деревни Терапіи на разстояніи 11-ти верстъ. Остальныя 16 верстъ совсѣмъ не защищены, и проходъ совершенно свободенъ.

На *Европейскомъ берегу* укрѣпленій 9-ть, они суть:

- 1) кр. *Фанараки*.
- 2) укр. *Напасъ-Бурну*.
- 3) кр. *Кербидже*.
- 4) укр. *Буюкъ-Лиманъ*.
- 5) » *Румели-Кавакъ*.
- 6) » *Телли-Талианъ*.
- 7) бат. *Мезаръ-Бурну*.
- 8) » *Аджалты*.
- 9) » *Киреджъ-Бурну*.

На *Азіятскомъ берегу* укрѣпленій 6-ть, они суть:

- 1) кр. *Фанараки*.
- 2) » *Пайрасъ*.
- 3) укр. *Филь-Бурну*.
- 4) » *Анадолу-Кавакъ*.
- 5) » *Маджаръ-Табіе*.

и далѣе на половинѣ всего Босфора маленькая батарея *Чакаль-Бурну*.

Изъ этихъ батарей три тотчасъ выпадаютъ изъ расчета: обѣ крѣпости *Фанараки* и укр. *Напасъ-Бурну*, потому что тутъ устье Босфора такъ широко, что выстрѣлы не хватаютъ до середины. Остальныя 12-ть укрѣпленій, подъ выстрѣлами которыхъ придется проходить, по настоящему весьма слабо и дурно построены. Валъ, упирающійся въ самую воду, изъ мягкаго бѣлага известняка. За нимъ поставлены въ амбразурахъ большаго калибра орудія на тяжелыхъ, неуклюжихъ, неповоротливыхъ лафетахъ съ огромными сплошными деревянными колесами. Стрѣляютъ эти орудія въ одномъ затверженномъ направленіи большею частію поперегъ пролива, потому что вороченіе въ сторону слишкомъ долго и не легко. Сорокъ орудій линейнаго корабля, при

быстротѣ нашей стрѣльбы, на ружейномъ выстрѣлѣ, въ нѣсколько минутъ заставятъ замолчать эти батареи и взроютъ ихъ совершенно. Главная трудность состоитъ въ томъ, чтобы дойти до того, чтобъ можно было стрѣлять по батареямъ.

Но и это затрудненіе уменьшается тѣмъ, что изъ всѣхъ этихъ укрѣпленій только два расположены такъ, что долгое время встрѣчаютъ идущія суда, и бьютъ по нимъ продольно, именно: *Анадолу-Кавакъ* и *Маджаръ-Табіе* на Азіятскомъ берегу. Остальныя укрѣпленія бьютъ поперегъ пролива, флажки же, обращенныя вдоль онаго, такъ коротки, что на нихъ едва устанавливается орудій 8 или 10. Но опасность отъ двухъ названныхъ батарей весьма уменьшается тѣмъ, не надо забыть, что флотъ не покусится на прорывъ, не имѣя попутнаго вѣтра и попутнаго теченія, чрезъ что разстояніе выстрѣла пробѣжится въ весьма короткое время. Кромѣ всего этого не надо забыть, что за батареями сидятъ не Европейскіе артиллеристы, а турецкіе топчи. Познакомившись такимъ образомъ съ мѣстностью, приступимъ теперь къ предположенію самой атаки:

Нашъ черноморскій флотъ состоитъ изъ 13-ти линейныхъ кораблей:

- 1) Варна 84-хъ пуш.
- 2) Селифайль 84-хъ пуш.
- 3) Ягудиль 84-хъ пуш.
- 4) Храбрый 84-хъ пуш.
- 5) Три Святителя 120-ти пуш.
- 6) Уріиль 84-хъ пуш.
- 7) Ростиславъ 84-хъ пуш.
- 8) Святославъ 84-хъ пуш.
- 9) Двѣнадцать Апостоловъ 120-ти пуш.
- 10) Гавріиль 84-хъ пуш.
- 11) Султанъ Махмудъ 84-хъ пуш.
- 12) Силистрія 84-хъ пуш.
- 13) Трехъ Іерарховъ 84-хъ пуш.

Въ скоромъ времени будутъ еще спущены *Чесма* 84-хъ пуш. и *Парижъ* 120-ти пуш.

Далѣе изъ восьми фрегатовъ:

Мидія, Кагуль, Сизополь, Месемврія, Браиловъ, Флора и Каварна, и изъ шести пароходныхъ фрегатовъ: Крымъ, Владимиръ, Бессарабія, Громоносецъ, Одесса и Херсонесъ, и изъ множества мелкихъ судовъ, корветовъ, бриговъ, шкунъ.

На эти суда можно свободно посадить 12-ть баталіоновъ, т. е. полную пѣхотную дивизію. Они необходимы, потому что не достаточно разгромить Константинополь, надо еще въ немъ утвердиться.

Вооружившись и принявши десантъ, флотъ подыметъ якоря и отправится ко входу Босфора, предъ которымъ будетъ крейсировать, ожидая попутнаго вѣтра, не приходя на видъ выдающихся въ море маяковъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, наблюдая мелкими крейсерами, что происходитъ внутри Босфора. Ожиданіе попутнаго вѣтра не можетъ быть продолжительно, потому что дѣломъ тутъ господствуютъ сѣверные вѣтры.

Когда оный наступитъ, флотъ построится въ одну общую линію баталіи, линейные корабли впереди, за ними фрегаты. Передовымъ полагаю поставить одинъ изъ стопушечныхъ кораблей, потому что они болѣе другихъ могутъ вынести, и притомъ ихъ залпы дѣйствительнѣе и облегчатъ работу остальнымъ. Пароходы должны держаться такъ, чтобы всегда быть готовыми подать помощь обитому кораблю. Разстояніе между кораблями не должно быть менѣе одного кабельтова (100 морскихъ сажень), чтобы, въ случаѣ несчастія съ передовымъ кораблемъ, съ нимъ не свалиться. У всѣхъ должны быть якоря перенесены на корму, съ приготовленными шпрингами, такъ какъ у Англичанъ подъ Абукиромъ, чтобы, не дѣлая циркуляціи, можно было встать на якорь прямо по тому направленію, по которому идешь.

Съ раннимъ утромъ флотъ отправится подъ всѣми возможными парусами на проломъ. При приближеніи его откроютъ пальбу три первыя батареи, Европейскій и Азіятскій Фанараки

я Папасъ-Бурну. Но ихъ выстрѣлы, какъ видно по приложенному чертежу, не хватаютъ до середины пролива; а ежели нѣкоторыя ядра и долетаютъ, то безъ большаго вреда. Мы молча пройдемъ дальше, потому что отвѣчать имъ не стоитъ. Скоро станутъ хватать до насъ ядра Пайраса и Кербидже, и потомъ Филь-Бурну, такъ что бы будемъ находиться вдругъ въ тройномъ перекрестномъ огнѣ. Но выстрѣлы не продольны, мы можемъ имъ скоро отвѣчать и тогда мы начнемъ на оба борта бѣглый огонь. Вѣтеръ и теченіе съ нами такъ, что мы скоро выдемъ изъ ихъ огня, такъ скоро, что я не полагаю, чтобы орудіе могло въ одну и ту же батарею выстрѣлить болѣе одного, много двухъ разъ. Стало быть каждый корабль бросить въ каждую батарею 45 ядеръ, и такъ какъ кораблей 13-ть, то и выходитъ 585, можно положить 600 ядеръ. Разстояніе не будетъ болѣе 300 сажень отъ середины до каждаго берега. На это разстояніе попадаетъ у насъ болѣе половины, но положимъ здѣсь одну треть, т. е. 200 ядеръ. Это за глаза довольно, чтобы заставить молчать 50 или 60 орудій, еслибъ они были, но такъ какъ ихъ не болѣе 20-ти или 30-ти на каждой батарее, то прежде чѣмъ задніе корабли, ужъ не говорю о фрегатахъ и пароходахъ, до нихъ дойдуть, онѣ уже будутъ молчать. Разумѣется, передовымъ кораблямъ достанется порядочно, но все таки не такъ, какъ въ морскомъ сраженіи, гдѣ приходится прорѣзывать непріятельскую линію подъ огнемъ по крайней мѣрѣ 160 орудій. Примѣровъ же бездна, что линіи были прорѣзываемы, и что прорѣзавшіе корабли и затѣмъ продолжали бой. Поэтому въ успѣхъ я не сомнѣваюсь. Пройдя еще одну европейскую батарею *Буюкъ-Лиманъ*, будетъ нѣсколько минутъ, покуда не войдетъ въ сильный продольный огонь крѣпости *Анадолу-Кавакъ*. Это самое трудное и опасное мѣсто всего пролива. Передовой корабль долженъ обречь себя на жертву, идти прямо на батарею и вплоть у самаго берега, который вездѣ очень приглубъ, убравъ паруса, стать на якорь съ кормы. Само теченіе, которое весьма быстро у мысовъ, поставить его вдоль батареи, ежели же оно не достаточно, то тотчасъ

надо натянуть шпрингъ. Тогда онъ въ нѣсколько минутъ сроетъ всю крѣпость, потому что ни одна открытая батарея въ море, особенно же известковая, не можетъ на полуружейный выстрѣлъ вынести огонь 60 пушекъ 68-ми, 48-ми и 36-ти фунтовыхъ.

Я вполне увѣренъ, что передовой корабль будетъ еще довольно свѣжъ, чтобы это исполнить. Но ежели же, по несчастію, онъ будетъ такъ обить первыми четырьмя батареями, что не посмѣетъ покуситься вынести продольный огонь Анадолу-Кавакъ, ему стоитъ только отойти въ сторону, дать пройти всему флоту и вступить въ покойныя мѣста аріергарда, или же въ худшемъ случаѣ заставить себя выбуксировать вонъ однимъ изъ пароходовъ. Его должность перейдетъ на слѣдующаго за нимъ 80-ти пуш. корабля, которому точно также надобно будетъ стать вплотъ у батареи. Онъ, разумѣется, отвлечетъ весь огонь *Анадолу-Кавакъ* на себя, и флотъ можетъ свободно продолжать свой путь. Двѣ Европейскія батареи *Румели-Кавакъ* и *Телли-Талианъ* весьма незначительны и скоро замолчатъ отъ нашихъ залповъ. Но Азіятская батарея *Маджаръ-Табіе*, также какъ и предыдущая *Анадолу-Кавакъ*, насъ встрѣтитъ продольными выстрѣлами. Но она построена косвеннѣе противъ пролива и потому ея дѣйствіе не столь опасно какъ огонь предыдущей. У нея долженъ повториться тотъ же маневръ, т. е. новый передовой прямо на нее спустится, вплотъ у берега станетъ на якорь и нѣсколькими залпами сроетъ батарею. За симъ у насъ останется 11-ть, въ худшемъ случаѣ 10-ть свѣжихъ кораблей, почти ничего не потерявшихъ, которымъ путь до Константинополя совершенно свободенъ, потому что остальные четыре батарейки, три на Европейскомъ, одна на Азіятскомъ берегу, совершенно ничтожны. На каждой изъ нихъ не болѣе какъ орудій 8-мъ или 10-тъ.

Если уже поздно, или вѣтеръ переимѣнился, или кораблямъ надо осмотрѣться, оправиться, флотъ можетъ стать на якорь на Буюкдерскомъ рейдѣ, но лучше не теряя времени идти прямо на Царь-Градъ. Но прежде чѣмъ идти далѣе съ флотомъ, посмо-

тримъ, что дѣлалъ аріергардъ, т. е. 8 фрегатовъ, слѣдовавшихъ за корабельною линією.

Когда фрегаты будутъ равняться съ батареями, онѣ вѣроятно уже будутъ молчать. Но этого для насъ недостаточно. Въ этихъ укрѣпленіяхъ есть гарнизоны, которые могутъ подвезти новые лафеты, поправить валы, и быть чрезъ нѣсколько дней опять готовыми къ бою. Этому-то надо воспрепятствовать, и для этой цѣли я хочу употребить фрегаты, изъ которыхъ каждый везетъ около роты пѣхоты, т. е. отъ 200 до 300 человѣкъ.

Противъ каждой батареи, а ихъ до Буюкдере семь (противъ двухъ большихъ стоятъ уже линейные корабли), долженъ стать на якорь фрегатъ, на возможно близкомъ разстояніи. Въ продолженіи 10 или 15 минутъ должны они производить, по внутренности батарей, самый сильный картечный огонь, чтобы согнать гарнизонъ съ вала. Въ это же время съ противнаго борта будутъ спускаться гребныя суда и будетъ садиться на нихъ десантъ. Когда видно будетъ, что внутренность укрѣпленія уже довольно очищена, то гребныя суда отправятся на самыя батареи, коихъ валъ доходить до воды, и десантъ будетъ ихъ штурмовать, что весьма не трудно по незначительной вышинѣ вала и низкимъ амбразурамъ. Остатки гарнизона, если не убѣжали въ горы, теперь выйдутъ изъ за своихъ редутовъ и закрытыхъ мѣстъ, въ которые спрятались отъ фрегатной картечи, и будутъ стараться отстаивать укрѣпленіе. Ихъ надо оттѣснить во внутренность и держать съ ними бой, покуда артиллеристы успѣютъ заклепать орудія и уничтожить лафеты. Тогда пѣхота отступитъ и воротится на фрегаты, которые тотчасъ присоединятся къ флоту. Два корабля, остановившіеся противъ *Анадолу-Кавакъ* и *Маджаръ-Табіе*, должны сдѣлать то же самое. Удерживать за нами эти укрѣпленія не нужно и не возможно, потому что, какъ они большею частію съ открытою горжею, небольшой непріятельскій отрядъ можетъ ихъ у насъ отнять. Съ заклепанными же орудіями они для насъ безвредны, а новыхъ сухимъ путемъ привезти невозможно.

И такъ мы прорвались сквозь Босфоръ и намъ путь въ Константинополь свободенъ. Два корабля или много три у насъ обиты и они останутся на покойномъ Буюкдерскомъ рейдѣ, а остальные десять пойдутъ прямо къ Истамбулу. Вечеромъ того же дня мы можемъ легко у него быть, потому что все разстояніе не болѣе 30-ти верстъ. Пришедъ къ Константинополю, мы станемъ на якорь полукругомъ, отъ Перы вдоль Сарая и южныхъ стѣнъ, какъ далеко хватить линія, имѣя ужъ тутъ пароходы съ ихъ тяжелыми бомбическими пушками между кораблей. Все это должно произойти молча, безъ одного выстрѣла. Когда флотъ такимъ образомъ станетъ на якорь и приготовится къ бомбардировкѣ, начнется сперва работа дипломатическая, переговоры. Вооруженный катеръ подъ бѣлымъ флагомъ повезетъ въ городъ дипломатическаго чиновника, снабженнаго инструкціями изъ Петербурга, который вступить въ переговоры съ портою. Отъ ихъ успѣха будетъ зависѣть судьба Византіи, ея сохраненіе или совершенный немилосердный разгромъ. Будемъ надѣяться, что турки не будутъ слишкомъ глупы и упрямы. Въ случаѣ успѣха, надо непремѣнно требовать передачи Дарданельскихъ укрѣпленій въ наши руки, хотя на короткое время, съ тѣмъ, чтобы русскій флагъ висѣлъ рядомъ съ турецкимъ, потому что это ключъ Константинополя. Если турки на это не согласятся, то на другой же день, оставивъ небольшой отрядъ предъ городомъ, со всѣми силами мы пойдемъ въ Дарданелы. Его берега довольно низки, вездѣ можно свободно высадить десантъ и укрѣпленія не противустоятъ двойной атакѣ съ моря и суши. Утвердившись въ Дарданелахъ, мы совершенно хозяева въ Константинополѣ.

Сколько англичане и французы не посылай флотовъ (а они ихъ непремѣнно пошлютъ), ни одна живая душа не пройдетъ. Не будь же Дарданелы въ нашихъ рукахъ, насъ также скоро выгонять изъ Константинополя, какъ мы въ него вошли.

Я ни слова не говорилъ о турецкомъ флотѣ, потому что при теперешнемъ его состояніи онъ большаго пропятствія составить не можетъ.

Въ отношеніи къ нему могутъ быть три предположенія:

- 1) Онъ можетъ быть въ Черномъ морѣ, чтобы стараться не допустить насъ до Босфора.
- 2) Можетъ стоять на якорѣ предъ мѣстечкомъ Буюкъ-дере.
- 3) Можетъ стоять предъ самымъ Константинополемъ и частью въ Золотомъ Рогѣ.

Въ первомъ случаѣ, если на пути изъ Севастополя къ Босфору онъ намъ не встрѣтится, должно не останавливаясь идти на проломъ. Окончивши дѣло предъ Константинополемъ, мы всегда будемъ въ состояніи принять бой на якорѣ, который сомнѣнію подлежать не можетъ. По всей вѣроятности онъ и не осмѣлится насъ атаковать.

Если его встрѣтимъ на дорогѣ, то генеральное сраженіе должно рѣшить все остальное. Кажется, что при теперешнемъ состояніи нашихъ флотовъ исходъ его не можетъ быть сомнительнымъ.

Во второмъ случаѣ, т. е. если турецкій флотъ будетъ стоять на якорѣ предъ Буюкъ-дере, также останавливаться не должно, а пройдя мимо его, идти прямо къ Стамбулу, гдѣ и встать на якорь. Тогда мы всегда въ состояніи будемъ принять бой.

Третій случай самый трудный, но невозможный, это если турецкій флотъ насъ будетъ ожидать на якорѣ, предъ самымъ городомъ. Надо будетъ непременно съ нимъ вступить въ бой, и адмиралъ Нельсонъ, своимъ Абукирскимъ сраженіемъ, насъ научилъ какъ въ такомъ случаѣ поступать. Надо становиться на якорь съ кормы. Передовой нашъ корабль долженъ стать противъ перваго непріятельскаго. Второй, обойдя его, противъ втораго, третій противъ третьяго и т. д. Но отнюдь не надо проходить вдоль всей линіи, какъ дѣлали шведы подъ Ревелемъ, потому что тогда передовой корабль непременно будетъ избитъ прежде чѣмъ дойдетъ до конца.

Лишніе корабли и фрегаты могутъ служить къ тому, чтобы ставить непріятеля въ два огня.

Три условія необходимы для успѣшнаго исполненія этого предпріятія.

Неожиданность, быстрота и отвага, не останавливаться трудностью и опасностью, а итти прямо на проломъ, не боясь потери трехъ, четырехъ, даже пяти кораблей и нѣсколькихъ тысячъ людей, потому что результатъ этого стоитъ.

Потомъ не надо забыть, что взятіе Босфора есть только первый шагъ, и что надо непремѣнно занять Дарданеллы, кои суть ключъ къ Царю-Граду.

«Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Константинъ»¹⁾.

Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853 и 1854 годовъ. Два тома. — Спб. 1890.

Сочиненіе генераль-маіора А. Н. Петрова.

Рецензія Н. Е. Шильдера.

Разсмотрѣвъ вторично трудъ генерала Петрова уже въ напечатанномъ видѣ, считаю долгомъ подтвердить все то, что было мною высказано при обзорѣ этого сочиненія въ рукописи въ 1889 году. Существенныхъ измѣненій въ сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній не послѣдовало. Только на стр. 63-й перваго тома мы замѣтили незначительную поправку. Авторъ говоритъ, что въ февралѣ 1853 года, Императоръ Николай составилъ: «примѣняясь къ поданному ему великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ меморандуму новый планъ предполагаемыхъ противъ Турціи дѣйствій, если-бы она продолжала противиться удо-

---

¹⁾ Записка эта въ свое время была сообщена князю Меншикову. 13 ноября 1849 года Свѣтлѣйшій писалъ Его Высочеству:

«Съ глубочайшею благодарностью имѣю честь обратно представить В. И. Высочеству предположеніе атаки Царя-Града съ моря, предположеніе, доказывающее воинскія познанія и высокія дарованія будущаго вождя Россійскихъ флотовъ».

«Князь Меншиковъ».

влетворенію нашихъ требованій». — На связь записки Императора Николая о морской экспедиціи противъ Босфора съ запискою великаго князя Константина Николаевича, мы указали въ прежнемъ разборѣ и приложили ее къ рецензій. Авторъ не счелъ нужнымъ воспроизвести записку и не упомянулъ, что она относится къ 1849 году. Затѣмъ онъ по прежнему относитъ записку Императора Николая, въ которой Государь высказываетъ свои мысли на случай войны съ Турціей (съ подраздѣленіемъ на эпохи) къ 3-му января 1853 года (?), между тѣмъ какъ она была написана въ то время, когда Порта отвергнула требованія предъявленныя ею княземъ Меншиковымъ. — Вслѣдствіе этого и всѣ послѣдующія въ рецензій моей замѣчанія относительно плана кампаніи 1853 года, остаются въ прежней силѣ.

Всѣ сдѣланныя мною замѣчанія относительно послѣдующихъ главъ труда генерала Петрова, должны точно также остаться неизмѣнными. Печатая свой трудъ авторъ ничего не измѣнилъ и не дополнилъ въ своей первоначальной рукописи.

Лучшая часть сочиненія «О войнѣ Россіи съ Турціей», остаются по прежнему двѣ заключительныя главы, въ которыхъ разбирается вопросъ: «намѣревалась ли Австрія объявить намъ войну въ 1854 году», и затѣмъ критическій обзоръ кампаніи 1853 и 1854 годовъ на Дунаѣ.

Эти двѣ заключительныя главы по своему высокому интересу заслуживаютъ полнаго вниманія читателей и за нихъ мы должны быть особенно признательны автору, какъ за цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу. Ничего подобнаго мы не находимъ въ прежнихъ сочиненіяхъ относящихся до кампаніи 1853 и 1854 годовъ, — а между тѣмъ только путемъ намѣченнымъ здѣсь авторомъ можно придти къ правильнымъ выводамъ относительно нашихъ дѣйствій на Дунаѣ и причинъ, по которымъ мы добровольно поставили себя въ безвыходное положеніе.

Замѣтимъ также здѣсь, что за границею обращено вниманіе на сочиненіе генерала Петрова и приступлено уже къ переводу его на нѣмецкій языкъ.

Въ заключеніе, признаю справедливымъ подтвердить отзывъ высказанный мною въ рецензіи 1889 года, а именно: «Въ виду обилія новыхъ данныхъ сообщенныхъ авторомъ и самостоятельности его изслѣдованій основанныхъ на архивныхъ документахъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на сочиненіе А. Н. Петрова и просить удостоить его одной изъ премій митрополита Макарія, которую оно вполне заслуживаетъ».

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1894 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12)

